

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

«Сегодняшние акценты, сделанные на получение краткосрочной прибыли, очевидным образом оторваны от трендов с их усилившимися стратегическими рисками».

Ни одно сочетание экономических и геополитических угроз за все последние годы, возможно, не выглядело столь устрашающим, как массированные атаки на важнейшие объекты нефтяной промышленности Саудовской Аравии.

Однако, во-первых, реакция мировых рынков была довольно спокойной: лишь примерно 10%-ный рост нефтяных цен в ответ на то, что половина мощностей крупнейшего в мире экспортера оказалась парализованной на неизвестный срок. Во-вторых, в центр внимания попали в основном выгоды экспортеров нефти, включая Россию, за счет «геополитической» премии к цене, и предположения о том, превзойдут ли котировки уровень в 100 долл./барр. в случае дальнейшего обострения в районе Залива.

Однако для поставщиков топлива возникает не «премия», а стратегические риски. Геополитические угрозы подобного масштаба, не говоря уже о возможном существенном росте цен, превращаются в серьезный катализатор того процесса, который уже происходит в мировой экономике. Но если сейчас сокращение доли углеводородного сырья обусловлено преимущественно экологическими мотивами (чего оказалось достаточно для сдвига «влево» прогнозов о начале падения спроса на нефть с 2040-х на 2030-е годы), то условные 100 долл./барр. и нападения на нефтяную инфраструктуру максимально укрепят тренд на использование альтернативной энергетики, а также — нефтяных месторождений альтернативных Ближнему Востоку (кроме США это, в первую очередь, Канада). В результате чего уровень цен на нефть окажется несравненно ниже, а период падения глобального спроса — гораздо ближе.

Сопоставимый (в том числе и по деталям) процесс, со сходными участниками, близкими алгоритмами и глобальным эффектом, включавшим распад СССР и исчезновение социалистического лагеря, происходил в 1980-е годы.

Не все эффекты уже воспроизводимы, тем не менее сегодняшние акценты, сделанные на получение краткосрочной прибыли, очевидным образом оторваны от трендов с их усилившимися стратегическими рисками.

Свое недавнее решение вновь понизить процентную ставку руководство ФРС объясняет «внешними рисками». При прочих равных это решение можно расценить положительно в первую очередь для экономики развивающихся стран, хотя многие из них, включая Россию, говоря о внешних рисках, подразумевают как раз США.

«Баланс между стабильностью и ростом российской экономики будет по-прежнему значительно смещен в сторону стабильности».

Анализируя среднесрочный прогноз Минэкономразвития, главным фактором снижения многих прогнозируемых ранее показателей наши эксперты называют не только внешние, но и внутренние риски. Под влиянием

слабых результатов 1 полугодия 2019 г. МЭР понизил собственные оценки на весь текущий год по ряду позиций (оборот розничной торговли, расходы на конечное потребление, инвестиции), оставив неизменным прогноз по ВВП на уровне 1,3%, но уменьшив его (с 2 до 1,7%) на 2020 г.

Эксперты также придерживаются той точки зрения, что доля расходов населения на обслуживание кредитов заметно увеличивается, что может привести к росту неплатежей. **При этом ожидаемое в 2020 г. снижение динамики потребительского кредитования окажет негативное влияние на потребительский спрос.**

Наряду с уменьшением внешнего спроса даже пониженный прогноз МЭР по росту ВВП в будущем году вызывает сомнения. И если внешние условия окажутся более благоприятными, то, по мнению авторов, сочетание жестких денежной и бюджетной политик будут и далее приводить к тому, что баланс между стабильностью и ростом так и будет значительно смещен в сторону стабильности.

«Риски бюджетной устойчивости в краткосрочном периоде минимальны, но ввиду крайне низкого кассового исполнения ряда федеральных проектов (реализуемых в рамках нацпроектов), возникают риски недостижения запланированных на нынешний год проектных параметров».

Рассматривая итоги исполнения федерального бюджета РФ за 1 полугодие 2019 г., наши эксперты обращают внимание, что **рост доходов на 0,4 п.п. ВВП (здесь и далее – по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) был обусловлен прежде всего ростом ставки НДС.** При одновременном сокращении расходов на 0,9 п.п. ВВП это обеспечило увеличение бюджетного профицита еще на 1,3 п.п. ВВП, в результате чего он достиг 3,3% валового продукта. Отмечается также и снижение нефтегазового дефицита.

«Рост доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ хотя и продолжается, темпы становятся ниже, что коррелирует с низкими темпами роста экономики».

Оценивая состояние региональных бюджетов за январь-июль 2019 г., наши исследователи отмечают, что **рост доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ хотя и продолжается (номинально 12,6% по сравнению с сопоставимым периодом 2018 г.), темпы становятся ниже.** По их мнению, это коррелирует с низкими темпами роста экономики: динамика доходов не могла быть оторванной от них слишком долгое время. При этом **дифференциация доходов между богатыми и бедными регионами продолжает увеличиваться.**

Средняя долговая нагрузка субъектов РФ уменьшается (21,5% от доходов регионов), однако у низкообеспеченных регионов она примерно вдвое выше (44,8%). Высокая же долговая нагрузка, превышающая 100% доходов, сохранилась лишь у Мордовии, в то время как 3 года назад таких субъектов было 9.

«Целесообразно корректировать меры поддержки рождаемости с учетом региональной специфики для многодетных семей и выработать новые подходы к повышению рождаемости первых и вторых детей».

Анализ итоговых данных за минувший год приводит наших экспертов к выводу об **одновременно продолжающемся снижении рождаемости и росте многодетности.** Существенно увеличилось количество регионов, где росла рождаемость третьих и последующих детей на фоне сокращения

Основные тенденции и выводы

рождаемости первых и вторых детей. Данная тенденция означает, что число многодетных семей (и доля рождающихся в них детей) будет расти.

Эксперты отмечают, что высокий уровень многодетности характерен для регионов с низкими социально-экономическими показателями. Однако, судя по динамике последних лет, лидерами по росту многодетности становятся уже регионы с разнообразными экономическими характеристиками. Следовательно, **меры поддержки, направленные на повышение рождаемости третьих и последующих детей, не могут быть одинаковыми и требуют учета региональной специфики.**

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ПРОГНОЗЫ СНИЖАЮТСЯ

Алексей ВЕДЕВ

Среднесрочный прогноз Министерства экономического развития (МЭР) изменен в сторону ухудшения показателей по сравнению с апрельской версией. Однако темпы роста реального ВВП оставлены неизменными на этот год на 1,3% и снижены с 2 до 1,7% на следующий. С точки зрения бюджетного процесса уменьшены номиналы ВВП, что означает ожидаемое снижение доходов. В этой связи правомерно ожидать и снижения расходов, что приведет к сужению внутреннего спроса.

Слабые результаты 1 полугодия 2019 г. обусловили пересмотр Министерством экономического развития оценок ключевых показателей на текущий год. Скорректирован ряд социальных показателей на 2019 г., прежде всего снижен рост реальных располагаемых доходов населения с 1,0 до символических 0,1%. Крайне слабый внутренний спрос по оценке МЭР обусловил снижение роста оборота розничной торговли с 1,6 до 1,3% в 2019 г. и с 2,1 до 0,6% в 2020 г. Слабость совокупного спроса, по мнению Минэкономразвития, стала следствием синхронного ужесточения бюджетной и денежно-кредитной политики. В части расходов бюджета по состоянию на 1 июля было исполнено 42,6% бюджетной росписи – худший результат с 2012 г. Ужесточение бюджетной политики не только не было компенсировано денежно-кредитной политикой – ее изменение также негативно повлияло на совокупный спрос.

В сентябре и декабре 2018 г. Банк России дважды поднял ключевую ставку до 7,75% и серьезно повысил среднесрочные рыночные ожидания дальнейшей динамики ставки. Одним из объяснений этих шагов стало повышение базовой ставки НДС с 1 января 2019 г. и ответное увеличение ключевой ставки как «упреждающей» меры по ограничению инфляции. Однако опасения относительно вторичного эффекта от повышения НДС на инфляцию не оправдались.

Темп роста расходов на конечное потребление в 2019 г. был скорректирован вниз – до 1,0% по сравнению с 1,4% (по оценкам апреля 2019 г.). При этом положительные темпы роста поддерживаются лишь потребительскими кредитами. Темпы роста потребительского кредитования (22–24% за год) значительно превосходят темпы роста номинальных доходов населения (4–5%). Это означает, что доля расходов населения, связанная с обслуживанием кредитов, заметно увеличивается. Данный показатель крайне важен, поскольку может спровоцировать рост неплатежей по кредитам (плохих долгов). МЭР ожидает резкого сокращения темпов роста потребительского кредитования. Министерство отмечает, что «при этом высокие темпы роста задолженности в сегменте потребительского кредита (около 2% ВВП) являются неустойчивыми и ведут к среднесрочной волатильности экономического роста. Так, после вклада в потребительский спрос на уровне 2% в 2018 г., уже в 2020 г. такой вклад может стать отрицательным на уровне в 6% в случае реализации негативного сценария. Подобное утверждение

1. Экономический рост: прогнозы снижаются

отражает ожидание экономическим блоком правительства РФ снижения роли российской банковской системы в расширении внутреннего спроса.

Прежде всего, согласно последней версии прогноза МЭР, ожидается снижение темпов роста потребительского кредитования с 24 до 4% (год к году) уже в следующем году. Если вклад потребительского кредита в прирост конечного спроса, по оценке Министерства, в 2019 г. составит 1,7 трлн руб., то в 2020 г. лишь 0,4 трлн руб. В результате предполагается резкое замедление потребительского спроса до 0,6%. Наряду с ожиданием замедления внешнего спроса (в силу падения цен на нефть и замедления мировой экономики) темп роста ВВП в 2020 г. в 1,7% становится малодостижимым. По мере замедления темпов роста потребительского кредитования МЭР ожидает более интенсивного снижения процентных ставок и оживления кредитования юридических лиц. Учитывая, что в прошедшие 2 десятилетия доля банковского кредитования в финансировании капитальных инвестиций не превышала 10% от общего финансирования, и то, что активность частного сектора достаточно низкая за счет замедляющегося внешнего и внутреннего спроса, а также традиционных рисков ведения бизнеса, ожидать ускорения кредитования нефинансовых предприятий не стоит.

Инвестиции в основной капитал в январе-июле выросли лишь на 0,6%, вследствие чего по итогам года ожидается рост данного показателя на 2,0% вместо ожидавшихся 3,1%. Значимым фактором ухудшения динамики инвестиций стало снижение бюджетных инвестиционных расходов (11,4% год к году в январе-июне), которое, по оценке Минэкономразвития, в 1 полугодии 2019 г. внесло отрицательный вклад в динамику инвестиций в основной капитал в размере 0,9 п.п.

Вместо роста инвестиций на 7% в 2020 г. ожидаются, тем не менее, высокие 5% и сохранение в среднесрочной перспективе (до 2024 г.) темпов роста инвестиций в диапазоне 5,3–6,5%. Это крайне амбициозные планы, реализация которых возможна при кардинальном смягчении бюджетной и кредитно-денежной политики. Ожидать в ближайшее время оживления частной инвестиционной деятельности вряд ли возможно в силу как низкого внутреннего спроса, так и возможного ухудшения внешних условий. Дополнительно отметим, что с точки зрения перспектив экономического роста ухудшается структура инвестиций. Инвестиции в машины и оборудование в кризис упали наиболее существенно (на 30%, потом выросли лишь на 17%), тогда как инвестиции в здания и сооружения и прочие инвестиции были более стабильными. Важно, что инвестиции в машины и оборудование критически зависят от курса рубля и в наименьшей степени подвержены импортозамещению.

Жесткое бюджетное правило обуславливает девальвацию рубля в условиях стабильно высоких цен на нефть. Очевидно, что слабый рубль не дает дополнительных преимуществ российским предприятиям. Оценки по нефтегазовому экспорту кардинально изменены с роста на 6,2% до падения на 2,3%. Аналогично, оценки импорта изменены с роста на 2,3% до падения на 0,4%. Напомним, что 30% импорта составляют инвестиционные товары, а 40% – товары промежуточного потребления (комплектующие). Сегодня очевидно, что баланс между стабильностью и ростом значительно смещен в сторону стабильности.

2. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ: ДОЛЯ НДС В НАЛОГОВЫХ ДОХОДАХ РАСТЕТ

Татьяна ТИЩЕНКО, Сергей БЕЛЁВ

Доходы федерального бюджета по итогам 1 полугодия 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года выросли на 0,4 п.п. ВВП – в первую очередь за счет повышения ставки НДС с 18 до 20%, и одновременно произошло сокращение расходов на 0,9 п.п. ВВП. В результате федеральный бюджет исполнен с профицитом в 3,3% ВВП. Однако такие результаты не дают повода для оптимизма, особенно с точки зрения рисков для доходной части бюджета. Так, цены на нефть могут снизиться, акцизы не являются существенным источником пополнения бюджета, а увеличение ставки НДС негативно сказалось на внутреннем потреблении и импорте.

Во 2 полугодии следует ожидать значительного роста расходов, поскольку кассовое исполнение, особенно по отдельным национальным проектам, в 1 полугодии серьезно запаздывало. Соответственно профицит федерального бюджета может снизиться.

По оперативным данным Федерального казначейства, доходы федерального бюджета за 1 полугодие 2019 г. выросли на 932,2 млрд руб. До 18,6% ВВП (табл. 1) по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Нефтегазовые доходы увеличились на 186,9 млрд руб., однако относительно ВВП они сократились на 0,3 п.п. Доля нефтегазовой компоненты в структуре доходов федерального бюджета за январь-июнь составила 43,1% при средней цене на нефть марки Urals 65,63 долл./барр¹. против 45,6% в соответствующем периоде 2018 г. при цене 68,83 долл./барр.

Прирост ненефтегазовой компоненты за рассматриваемый период составил 736,3 млрд руб., или 0,7 п.п. ВВП. Фактическое исполнение доходной части за 1 полугодие составило 47,3% от прогнозируемого годового объема (за 1 полугодие 2018 г. – 44,3%), в том числе по нефтегазовым доходам – 50% и ненефтегазовым поступлениям – 45,5% против 43,6 и 44,9% соответственно за январь-июнь предыдущего года. Расходы относительно 6 месяцев 2018 г. в абсолютном выражении выросли на 175,1 млрд руб., при этом в долях ВВП сократились на 0,9 п.п. ВВП при сопоставимых уровнях кассового исполнения бюджета (42,2 против 45,9%).

Профицит федерального бюджета по итогам 1 полугодия 2019 г. составил 3,3% ВВП (1695,8 млрд руб.), что на 1,3 п.п., или на 748,1 млрд руб. выше положительного сальдо исполнения бюджета за аналогичный период 2018г. Следует отдельно отметить продолжающееся сокращение ненефтегазового дефицита – с 6,3 до 4,7% ВВП, или на 561,2 млрд руб.

За январь-июнь 2019 г. налоговые доходы (табл. 2) выросли на 805,5 млрд руб. к уровню 1 полугодия 2018 г. Доля налоговых поступлений в общем объеме доходов федерального бюджета составила 92,4% против 93,0% за предыдущий период. Рост налоговых поступлений обусловлен преимущественно динамикой поступлений от НДС и НДС, которые продемонстрировали рост соответственно на 462,7 млрд руб. и 500,7 млрд руб. относительно аналогичного периода 2018 г.

¹ Согласно Пояснительной записке к проекту федерального бюджета на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 гг., среднегодовая цена на нефть марки Urals в 2019 г. прогнозировалась в размере 63,4 долл. за баррель.

2. Федеральный бюджет: доля НДС в налоговых доходах растет

Таблица 1

Сопоставление средней начисленной заработной платы в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти и в экономике по категориям персонала в 2017 году (руб./месяц)

Показатель	1 п/г 2018 г.			1 п/г 2019 г.			Изменение, 1 п/г 2019/1 п/г 2018	
	млрд руб.	% ВВП	в % от годового объема	млрд руб.	% ВВП	в % от планируемого годового объема ¹	млрд руб.	п.п. ВВП
Доходы, в том числе:	8626,7	18,2	44,3	9549,9	18,6	47,3	923,2	0,4
нефтегазовые доходы	3935,0	8,3	43,6	4121,9	8,0	50,0	186,9	-0,3
ненефтегазовые доходы	4691,7	9,9	44,9	5428,0	10,6	45,5	736,3	0,7
Расходы, в том числе:	7679,0	16,2	45,9	7854,1	15,3	42,2	175,1	-0,9
процентные расходы	383,5	0,8	47,6	356,4	0,7	41,8	-27,1	-0,1
непроцентные расходы	7295,5	15,4	45,8	7497,7	14,6	42,1	202,2	-0,8
Профицит/Дефицит	947,7	2,0		1695,8	3,3		748,1	1,3
Ненефтегазовый дефицит	-2987,3	-6,3		-2126,1	-4,7		561,2	1,6
Справочно: ВВП (в текущих ценах, млрд руб.) *	47 262			51 200				

* Предварительная оценка для 1 полугодия 2019 г.

** С учетом изменений в соответствие с Федеральным законом от 18 июля 2019 года №175-ФЗ.

Источник: Министерство финансов РФ, Росстат, Федеральное казначейство, расчеты авторов.

Таблица 2

Поступления основных налогов в федеральный бюджет в 1 полугодии 2018–2019 гг.

Показатель	1 п/г 2018 г.			1 п/г 2019 г.			Изменение	
	млрд руб.	% ВВП	в % от фактического годового объема	млрд руб.	% ВВП	в % от прогнозируемого годового объема	млрд руб.	п.п. ВВП
Налоговые доходы, всего, в том числе:	8019,8	17,0		8825,3	17,2		805,5	0,2
налог на прибыль организаций	457,7	1,0	46,0	585,8	1,1	51,9	128,1	0,1
НДС на товары, реализуемые на территории РФ	1752,6	3,7	49,0	2059,6	4,0	50,0	307,0	0,3
НДС на товары, ввозимые на территорию РФ	1105,5	2,3	45,2	1299,2	2,5	44,7	193,7	0,2
акцизы на товары, производимые на территории РФ, в том числе:	415,9	0,9	48,3	205,0	0,4	20,9	-210,9	-0,5
акцизы на нефтяное сырье, отправленное на переработку	0,0	0,0		-175,1	-0,3		-175,1	-0,3
акцизы на товары, ввозимые на территорию РФ	41,6	0,08	43,3	40,0	0,08	41,2	-1,6	0,0
НДПИ	2679,2	5,7	44,2	3141,9	6,1	51,4	462,7	0,4
Доходы от внешнеэкономической деятельности	1567,3	3,3	42,2	1493,8	2,9	49,9	-73,5	-0,4

Источник: Федеральное казначейство (оперативные данные), расчеты авторов.

Прирост поступлений по НДС связан с тем, что, хотя в среднем цена нефть была ниже на 3 долл./барр., эффект от снижения курса рубля оказался сильнее (в 1 полугодии 2019 г. – в среднем 65 рублей за доллар, в 1 полугодии 2018 г. – в среднем 59 рублей за доллар) (рис. 1). В 2019 г. Базовое значение ставки НДС осталось на уровне 340 рублей за тонну, вклад в изменение итогового значения ставки внесла динамика курса рубля.

Помимо этого, с июня 2019 г. Началось падение цен на нефть. Если нефтяные цены стабилизируются на низком уровне, следует ожидать снижения поступлений НДС в 2 полугодии по сравнению со 2 полугодием 2018 г.

Результаты повышения основной ставки НДС¹ с 18 до 20% с начала 2019 г. проявились только во II квартале в связи с особенностями периода уплаты налога в бюджет². Поступления по НДС за I квартал 2019 г. шли с налогооблагаемых операций, совершенных в IV квартале 2018 г., когда еще действовала основная ставка НДС в 18%. Платежи за II квартал 2019 г. совершались уже по основной ставке НДС в 20%. В то же время на поступлениях НДС в I квартале 2019 г. могло сказаться изменение поведения потребителей, которые в ожидании повышения основной ставки НДС с января 2019 г. и связанного с этим роста цен могли перенести часть своих трат на конец 2018 г. Оборот и продовольственных товаров (в меньшей степени затронутых повышением основной ставки), и непродовольственных в январе 2019 г. составил около 75% от оборота декабря 2018 г.³ Уровень января 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. по розничному обороту продовольственных и непродовольственных товаров составил те же 75%. Эти данные косвенно свидетельствуют о том, что какого-либо значимого переноса налоговой базы между январем 2019 г. и декабрем 2018 г. не наблюдалось. Отчасти это связано с упреждающим ростом цен, наблюдавшимся во второй половине 2018 г., что, в свою очередь, несколько сдерживало потребительский спрос.

Затухающая, но все еще положительная динамика налоговой базы в постоянных ценах, а также увеличившаяся ставка налога обеспечили дополнительные поступления в федеральный бюджет от НДС на товары, реализуемые на территории страны, в размере более чем 300 млрд руб. Поступления в доходную часть федерального бюджета по НДС на товары, ввозимые на территорию РФ, по итогам 6 месяцев 2019 г. также выросли, прибавив немногим менее 200 млрд руб., или 0,2 п.п. ВВП, относительно 6 месяцев предыдущего года. Импорт в долларовом эквиваленте незначи-

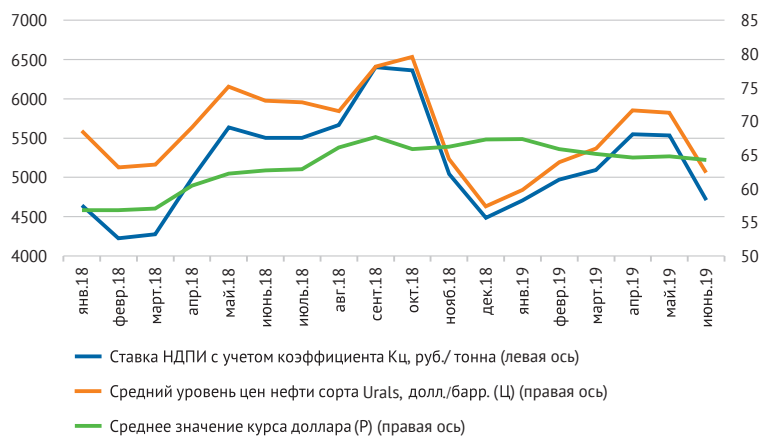

Рис. 1. Ставка НДС, курс доллара, цена на нефть марки Urals

Источник: ФНС, расчеты авторов.

- 1 Льготные ставки НДС (например, 10% для отдельных категорий продовольственных товаров, лекарств, детских товаров и т.п.) не были изменены.
- 2 Согласно п. 1 ст. 174 НК РФ уплата НДС в бюджет производится ежемесячно до 25-го числа в течение квартала, следующего за отчетным периодом, равными долями от суммы налога, исчисленной с налоговой базы за прошлый квартал.
- 3 С поправкой на продовольственную и непродовольственную инфляцию.

2. Федеральный бюджет: доля НДС в налоговых доходах растет

тельно вырос, а курс доллара оказался несколько выше в сравнении с тем же периодом прошлого года, что привело к росту налоговой базы НДС по импорту. Однако темпы роста импорта оказались ниже, чем в аналогичный прошлогодний период.

Таким образом, увеличение основной ставки НДС стало главной причиной роста ненефтегазовых поступлений в федеральный бюджет. Вероятно, по итогам года доля НДС в налоговых доходах федерального бюджета вырастет с 35 до 40%. Рост поступлений по налогу на прибыль обусловлен тем, что, по данным Росстата, прибыль прибыльных организаций выросла в I квартале 2019 г. примерно на 40% по сравнению с I кварталом 2018 г. Сокращение поступлений федерального бюджета за январь-июнь текущего года по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года отмечается по доходам от внешнеэкономической деятельности на 0,4 п.п., или на 73,5 млрд руб. при сопоставимых уровнях кассового исполнения бюджета, а также по внутренним акцизам, объем которых сократился на 0,5 п.п. ВВП, или 210,9 млрд руб. Это результат реализации налогового маневра в нефтегазовом секторе. Кроме того, в рамках его осуществления предусмотрено введение так называемого «отрицательного акциза». Его цель – сдержать повышение цен на топливо, провоцируемое ростом базовых ставок НДС, путем фактического субсидирования нефтепереработки через снижение акциза на нефтепродукты при выполнении определенных условий. Без учета эффекта «отрицательного акциза», который привел к сокращению поступлений на 0,3 п.п. ВВП, или на 175,1 млрд руб., доходы по внутренним акцизам составили бы 380 млрд руб., или 0,7 п.п. ВВП, а кассовое исполнение составило бы 38,8% против фактического значения (с учетом отрицательного акциза 20,9%).

Следует отметить, что еще на 0,1 п.п. ВВП сократились поступления по акцизам и на табачную продукцию, и на автомобильный бензин. Доходы федерального бюджета по импортным акцизам относительно ВВП не изменились и составили 0,08% ВВП.

В разрезе функциональной классификации расходов федерального бюджета за 1 полугодие 2019 г. относительно соответствующего периода 2018 г. (табл. 3) отмечаются следующие изменения:

- снижение расходов в долях ВВП на национальную оборону и социальную политику на 0,4 и 0,2 п.п. ВВП соответственно и на 0,1 п.п. ВВП по каждому из разделов: «Общегосударственные вопросы», «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность», «Национальная экономика», «Образование», «Обслуживание государственного долга» и «Межбюджетные трансферты»;
- увеличение расходов на 0,1 п.п. ВВП по разделам «Охрана окружающей среды», «Здравоохранение» и «Физическая культура и спорт»;
- по остальным разделам расходы в долях ВВП не изменились.

Сравнительно низкий уровень кассового исполнения бюджета как за первую половину текущего, так и предыдущего года, отмечается по разделам «Национальная экономика» (29,7%), «Культура и кинематография» (29,6%), «Физическая культура и спорт» (27,6%).

По федеральным проектам, реализуемым в рамках национальных проектов, фактическое исполнение бюджета за январь-июнь 2019 г. составило 558,8 млрд руб., или 32,4% от утвержденных расходов с учетом изменений (1 723,0 млрд руб.). По ряду федеральных проектов деньги практически не расходовались: по проекту «Безопасность дорожного движения» было по-

трачено лишь 1,8%, по «Цифровому государственному управлению» – 4,4%, по проекту «Успех каждого ребенка» – 6,7%. Чрезвычайно низкий уровень кассового исполнения этих федеральных проектов ставит под угрозу достижение запланированных на текущий год параметров.

В целом риски бюджетной устойчивости в краткосрочном периоде минимальны. В то же время вызывает сомнения возможность сохранить достигнутый уровень ненефтегазового дефицита в преддверии традиционно более высокого уровня кассового исполнения расходов во второй половине года.

Таблица 3

Расходы федерального бюджета в 1 полугодии 2018–2019 гг.

	1 п/г 2018 г.			1 п/г 2019 г.			Изменение	
	млрд руб.	% ВВП	в % от фактического годового объема	млрд руб.	% ВВП	кассовое исполнение, %	млрд руб.	п.п. ВВП
Расходы всего, в том числе:	7679,0	16,2	45,9	7854,1	15,3	42,2	175,1	-0,9
Общегосударственные вопросы	530,6	1,1	42,2	532,1	1,0	33,1	1,5	-0,1
Национальная оборона	1434,5	3,0	50,7	1354,3	2,6	42,6	-80,2	-0,4
Национальная безопасность и правоохранительная	853,0	1,8	43,3	867,1	1,7	38,6	14,1	-0,1
Национальная экономика	823,6	1,7	34,3	828,7	1,6	29,7	5,1	-0,1
Жилищно-коммунальное хозяйство	77,1	0,2	51,8	118,3	0,2	50,2	41,2	0,0
Охрана окружающей среды	66,1	0,1	57,0	107,2	0,2	57,4	41,1	0,1
Образование	402,0	0,9	55,6	400,5	0,8	45,7	-1,5	-0,1
Культура, кинематография	42,1	0,1	44,4	41,6	0,1	29,6	-0,5	0,0
Здравоохранение	225,2	0,5	41,9	312,6	0,6	44,0	87,4	0,1
Социальная политика	2337,8	5,0	51,0	2447,7	4,8	50,4	109,9	-0,2
Физическая культура и спорт	23,7	0,1	37,1	19,5	0,0	27,6	-4,2	0,1
СМИ	35,6	0,1	40,2	34,2	0,1	40,4	-1,4	0,0
Обслуживание государственного долга	383,5	0,8	47,6	356,4	0,7	41,8	-27,1	-0,1
Межбюджетные трансферты	444,0	0,9	40,5	434,0	0,8	44,9	-10	-0,1

Источник: ФНС, расчеты авторов.

3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ БЮДЖЕТЫ ЗА ЯНВАРЬ-ИЮЛЬ 2019 ГОДА: РОСТ ДОХОДОВ ЗАМЕДЛЯЕТСЯ

Александр ДЕРЮГИН

Быстрое увеличение собственных доходов консолидированных бюджетов регионов в условиях низких темпов роста экономики не могло сохраняться долго. И такой перелом не заставил себя ждать: после роста на 22,6% по итогам первых 4 месяцев 2019 г. увеличение налоговых и неналоговых доходов регионов в мае-июле составило лишь 1,4% и до конца года, вероятно, будет оставаться на низком уровне. Рост расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ за 7 месяцев 2019 г. к соответствующему периоду 2018 г. составил 10,9%, что выше уровня инфляции и несколько ниже темпов роста бюджетных доходов. Положительный прирост расходов наблюдался в 80 регионах, а в 70 из них прирост расходов превысил инфляцию за аналогичный период.

В свою очередь, замедление темпов роста регионов до конца года будет оказывать сдерживающее влияние на их расходные обязательства. Хорошие показатели общей сбалансированности региональных бюджетов способствовали дальнейшему сокращению средней долговой нагрузки субъектов РФ, которая составила 21,5% от объема доходов регионов, вернувшись к уровню 2009–2012 гг. Тем не менее у средне- и низкообеспеченных регионов она примерно в два раза превышает данный уровень.

Доходы

По итогам 7 месяцев 2019 г. общий объем доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации к тому же периоду 2018 г. вырос на 12,6%, что выше темпов инфляции за тот же период. Основными источниками роста доходов стали: налог на прибыль организаций, рост поступлений по нему составил 20,3% (это объяснялось ростом прибыли в сферах, не связанных с добычей топливно-энергетических полезных ископаемых, и, прежде всего, в торговле, транспорте, электроэнергетике, строительстве и операциях с недвижимостью); акцизы (20,0%); налоги на совокупный доход (14,4%).

Несколько медленнее росли межбюджетные трансферты от других бюджетов (на 12,4%), неналоговые доходы (на 11,1%), НДФЛ (на 9,1%). Налог на имущество организаций составил 96,5% от уровня за сопоставимый период 2018 г., что связано, главным образом, с освобождением с начала 2019 г. движимого имущества от обложения данным налогом. В 81 субъекте РФ доходы консолидированного бюджета за 7 месяцев 2019 г. превысили уровень соответствующего периода прошлого года. Отрицательные темпы роста доходов Калужской области (99,7% от прошлогоднего), Республики Хакасия (89,3%) и Республики Саха (99,7%) обусловлены высокими темпами роста доходов за 7 месяцев 2018 г. Лишь Республика Ингушетия (93,9%) третий год подряд показывает низкие темпы роста бюджетных доходов. Третий год подряд наблюдается рост дифференциации собственных доходов богатых и бедных регионов. Так, темпы роста налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов высокообеспеченных (13 субъектов, не получающих в 2019 г. выравнивающих дотаций), среднеобеспеченных (41 субъект) и низкообеспеченных субъектов (31) за 7 месяцев 2019 г. по отношению к соответствующему периоду 2018 г. составили соответственно

114,0, 111,0 и 107,2%. Данная тенденция свидетельствует о том, что система стимулов, заложенная в соглашениях о нецелевой финансовой помощи регионам, не приводит к сокращению дифференциации регионального развития.

В условиях низких темпов роста российской экономики, а также жесткой бюджетной политики показатели исполнения региональных бюджетов с начала года выглядели более чем оптимистично. Очевидно, что в отсутствие макроэкономических оснований для роста доходной базы такая ситуация не могла продолжаться долго. Высокие темпы роста бюджетных доходов за 7 месяцев 2019 г. были характерны для начала года: по итогам первых 4 месяцев рост составлял 22,6%, а в последующие 3 месяца – всего лишь 1,4%. Исходя из этой тенденции можно предположить, что в самое ближайшее время ожидается завершение периода, продолжавшегося с начала 2018 г., когда рост бюджетных доходов регионов существенно опережал рост экономики.

Расходы

Рост расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ за 7 месяцев 2019 г. к соответствующему периоду 2018 г. составил 10,9%, что выше уровня инфляции и несколько ниже темпов роста бюджетных доходов.

Положительный прирост расходов наблюдался в 80 регионах, а в 70 из них прирост расходов превысил инфляцию за аналогичный период. Лидерами роста стали г. Севастополь (141,5% от уровня прошлого года) и Чукотский автономный округ (136,0%), а лидерами снижения Республика Мордовия (80,3%), стремящаяся сократить свой огромный государственный долг, Республики Хакасия (93,8%) и Ингушетия (97,3%), столкнувшиеся с низкими темпами роста текущих доходов, а также Республика Алтай (97,4%), показатели которой связаны с высокой базой прошлого года.

Сокращение государственного долга положительно отразилось на расходах на его обслуживание, в результате чего их доля в структуре расходов

Таблица 1

Функциональная структура и динамика расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ, %

	Структура расходов			Прирост	
	2017	2018	2019	2019/2017	2019/2018
Общегосударственные вопросы	6,2	6,4	6,3	23,7	10,2
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	1,0	1,1	1,0	26,9	7,7
Национальная экономика, в том числе:	17,8	17,7	17,7	21,3	11,3
сельское хозяйство и рыболовство	2,6	2,2	2,0	-7,0	1,6
транспорт	4,5	4,5	4,1	10,4	1,0
дорожное хозяйство (дорожные фонды)	6,7	6,8	6,9	25,4	12,4
прочие вопросы в области национальной экономики	4,0	4,2	4,7	45,6	25,5
Жилищно-коммунальное хозяйство	8,4	7,8	8,5	22,7	20,2
Охрана окружающей среды	0,2	0,3	0,3	46,5	-1,1
Образование, в том числе:	27,8	28,3	28,0	22,5	9,6
дошкольное образование	7,4	7,6	7,5	23,4	10,0
общее образование	13,7	13,8	13,9	23,1	10,9
среднее профессиональное образование	2,2	2,2	2,2	20,7	8,4
прочие вопросы в области образования	4,4	4,6	4,4	20,1	5,7

3. Региональные бюджеты за январь-июль 2019 года: рост доходов замедляется

	Структура расходов			Прирост	
	2017	2018	2019	2019/2017	2019/2018
Культура, кинематография	3,6	3,9	3,8	26,3	7,2
Здравоохранение	7,8	8,1	8,1	26,8	10,5
Социальная политика	22,8	22,6	22,6	20,5	10,9
Физическая культура и спорт	2,4	2,3	2,3	15,8	10,5
Средства массовой информации	0,5	0,4	0,5	30,2	19,9
Обслуживание государственного и муниципального долга	1,5	1,1	0,9	-23,8	-5,6
Расходы, всего	100,0	100,0	100,0	21,7	10,9

Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства.

по итогам 7 месяцев 2019 г. снизилась до 0,9%, достигнув семилетнего минимума для данного периода. Несколько сократились (на 1,1%) также расходы на охрану окружающей среды, что обусловлено высоким их уровнем за 7 месяцев 2018 г. (табл. 1).

Сильнее всего выросли расходы на ЖКХ (рост на 20,2%) и средства массовой информации (на 19,9%). В целом, несмотря на определение новых приоритетов в государственной бюджетной политике, сформулированных в президентском Указе от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а также реализацию национальных проектов, приведших к изменению структуры финансовой помощи регионам (увеличение целевой составляющей), структура расходов пока слабо отличается от структуры расходов за 7 месяцев 2017 г.

Замедление темпов роста доходов субъектов до конца 2019 г. не сможет не сказаться на динамике их расходов. Так, в мае-июле расходы также замедлили свой рост: 8,9% после 12,7% по итогам первых 4 месяцев. В условиях сильного замедления роста поступлений налоговых и неналоговых доходов регионы будут и дальше сокращать темпы роста расходов, стараясь сохранить сбалансированность бюджетов.

Сбалансированность и государственный долг

Общее улучшение сбалансированности региональных бюджетов способствовало снижению их государственного долга, который к концу июля составил 2,0 трлн руб., сократившись на 8,6% с начала года или на 6,6% — с июля 2018 г. С июля 2018 г. по июль 2019 г. государственный долг сократился у 67 субъектов РФ, а вырос — у 18. С начала года лидерами по снижению его общего объема стали Краснодарский край (29,6 млрд руб.), Нижегородская (12,2 млрд руб.) и Свердловская области (12,0 млрд руб.), а лидерами роста — Республика Саха (7,0 млрд руб.), Хабаровский край (3,0 млрд руб.) и Калужская область (1,2 млрд руб.).

В результате средняя долговая нагрузка субъектов Российской Федерации сократилась до 21,5%¹, вернувшись к уровню 2009–2012 гг. (рис. 1).

Впрочем, произошло это в значительной степени благодаря сокращению долговой нагрузки высокообеспеченных субъектов, которая и так невелика (8,7%), в то время как у средне- и низкообеспеченных регионов она остается существенно выше — соответственно 36,5 и 44,8%. Высокая же долговая нагрузка, превышающая 100% налоговых и неналоговых доходов,

1 Определяемая как отношение объема государственного долга к объему налоговых и неналоговых доходов бюджета субъекта Российской Федерации

сохранилась лишь у Республики Мордовия (222,6%), в то время как три года назад таких субъектов было 9.

В конце июля 2019 г. в структуре государственного долга по-прежнему преобладали бюджетные кредиты, доля которых составила 49,6% общего объема госдолга, немного снизившись по сравнению с июлем 2018 г. (51,7%). Соответственно доля более дорогих в обслуживании ценных бумаг (26,6%) и кредитов кредитных организаций (20,4%) выросла. В условиях отказа от предоставления новых бюджетных кредитов, а также реструктуризации долга по выданным ранее, процесс плавного замещения бюджетных кредитов на коммерческий долг будет наблюдаться и в дальнейшем. ▀

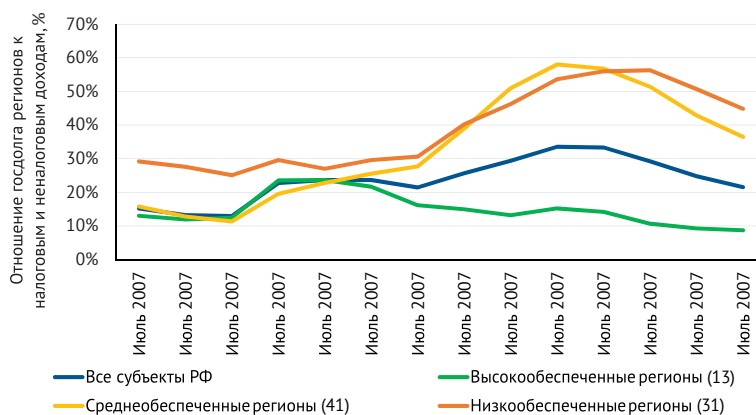

Рис. 1. Долговая нагрузка субъектов Федерации с различным уровнем бюджетной обеспеченности, %

Источник: ФНС, расчеты авторов.

4. РЕПРОДУКТИВНАЯ ДИНАМИКА В РЕГИОНАХ: РОСТ МНОГОДЕТНОСТИ НА ФОНЕ СНИЖЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Константин КАЗЕНИН

Окончательные данные за 2018 г. свидетельствуют одновременно о продолжающемся сокращении рождаемости и о росте многодетности: заметно увеличилось число регионов, где повысилась рождаемость третьих и последующих детей на фоне сокращения рождаемости первых и вторых детей. Ближайшее следствие этой тенденции – рост числа многодетных семей и увеличение доли детей, рождающихся в таких семьях.

Высокий уровень многодетности характерен для регионов с низкими социально-экономическими показателями. Поэтому государственная поддержка многодетных семей становится особо актуальной задачей. Однако, если говорить о динамике многодетности, то регионы – лидеры по ее росту разнообразны по экономическим характеристикам. Большинство из них располагается в трех географических зонах: на Дальнем Востоке, на Северо-Западе и в Центральном федеральном округе.

Заметные различия между субъектами РФ по наблюдаемому росту многодетности ставят вопрос о целесообразности региональных мер поддержки рождаемости, направленных на повышение рождаемости третьих и последующих детей. Эта проблема не имеет общего решения и требует учета региональной специфики.

Увеличивается число регионов, в которых растет многодетность

Данные за 2018 г. показывают, что при общем снижении рождаемости заметно увеличилось число регионов, где растет рождаемость третьих и последующих детей и потому более распространенной становится многодетность.

На *рис. 1* показана динамика среднерегионального коэффициента суммарной рождаемости (КСР) по федеральным округам с 2012 по 2018 гг.¹, на *рис. 2–4* – динамика этого же показателя соответственно только для первых детей (КСР1), только для вторых детей (КСР) и только для третьих и последующих детей (КСР3+)². Легко увидеть, что сокращение рождаемости первых детей носило устойчивый характер по всем федеральным округам за весь указанный период, тогда как рождаемость вторых детей, увеличиваясь по 2015 г. включительно, затем стала снижаться. Ее сокращение в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом в среднем по регионам РФ составило 3,46% при 11,9% в 2017 г. Из 85 регионов рост рождаемости по вторым детям в 2018 г. наблюдался только в 9 (причем в трех из них – менее чем на 1%). В целом сокращение рождаемости по вторым детям второй год остается доминирующей тенденцией по регионам.

Однако рождаемость третьих и последующих детей показала тенденцию, противоположную общему тренду: она росла в 2018 г. по всем феде-

1 Выбор временного промежутка обусловлен тем, что, начиная с 2012 г. в большинстве регионов РФ стала разрабатываться статистика по рожденьям разных порядков, а не только по общему числу рождений (в 2011 г. она была доступна по 74 регионам, в 2012 г. – по 80, начиная с 2015 г. – по всем регионам РФ).

2 Данные по рождаемости детей разных порядков рождения за 2018 г. см.: К. И. Казенин, А. И. Ракша. Динамика рождаемости по регионам РФ в 2018 году: основные тенденции // Экономическое развитие России, №8, 2018. С. 71–78.

ральным округам, причем рост охватил гораздо большее число регионов, чем в 2017 г. Среднее по регионам изменение рождаемости третьих и последующих детей в 2018 г. составило +2,77% по сравнению с -0,61% в 2017 г.; число регионов, где рождаемость третьих и последующих детей выросла в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом, составило 64 против 35 в 2017 г.

Это не самое существенное увеличение за рассматриваемый период: так, в 2014 г. по сравнению с 2013 г. рост КСРЗ+ в среднем по регионам составил 7,77%, а число регионов, где этот коэффициент уменьшился, — 4 из 82. Однако тогда рождаемость детей «высоких» порядков росла по регионам одновременно с ростом рождаемости вторых детей, а не на фоне снижения последней, как в 2018 г. Таким образом, окончательные данные о региональной рождаемости за 2018 г. свидетельствуют об укреплении двух разнонаправленных тенденций: снижения рождаемости первых и вторых детей и роста рождаемости третьих и последующих детей.

Абсолютный уровень многодетности выше в экономически неблагополучных регионах

Предварительно оценить факторы, с которыми связан уровень рождаемости третьих и последующих детей по регионам, позволяет анализ корреляции между КСРЗ+ и различными социально-экономическими характеристиками субъектов РФ. Среди параметров, отражающих экономическое благополучие населения регионов, обнаружена значимая положительная корреляция КСРЗ+ с долей населения с доходами ниже прожиточного минимума, отрицательная корреляция с долей занятого населения среди жителей регионов 15–72 лет и с количеством квадратных метров жилой площади, приходящихся на одного жителя региона¹. Также обнаружена значимая корреляция с долей сельского населения в регионе, что согласуется с универсальным ожиданием более высокой рождаемости на селе.

Обнаруженные корреляции с социально-экономическими параметрами позволяют предположить, что высокий абсолютный уровень многодетности в настоящее время более характерен для регионов РФ с относительно неблагополучным социально-экономическим положением населения, причем эта закономерность не является новой для 2018 г., а стабильно наблюдается в последнее десятилетие. Это означает, что многодетность имеет наибольшее распространение в регионах, где, с учетом экономического положения населения, государственная поддержка многодетных семей приобретает особенно принципиальное значение.

В исследованиях рождаемости в России в последнее десятилетие отмечается, что различия в репродуктивной активности по регионам после начала выплат материнского капитала в 2007 г. во многом связаны с разницей экономических условий, влияющих на востребованность материнского капитала². Однако учитывая, что основная масса получателей материнского капитала реализует право на него уже при рождении второго, а не последующих детей, объяснить таким же образом корреляции между социально-экономическими показателями и КСРЗ+ невозможно.

1 Учитывая, что рождение ребенка в некотором году означает принятие родителями решения иметь ребенка еще в предыдущем году или в начале (первом квартале) текущего года, рассматривались корреляции с социально-экономическими показателями прошлого года.

2 Захаров С. В. Региональное разнообразие рождаемости после 2006 года возросло // Вишневский А. Г. Население России — 2012 (Двадцатый ежегодный демографический доклад). М.: Издательский дом ВШЭ. 2014. С. 158–173.

4. Репродуктивная динамика в регионах

Альтернативные объяснения могут состоять в востребованности в экономически неблагополучных субъектах РФ региональных мер поддержки семей с тремя и более детьми¹, либо в особенностях их социокультурного уклада, в рамках которого от родителей не ожидается таких существенных вложений в образование детей, как в экономически более развитых регионах, и тем самым возникает меньше «ограничителей» для многодетности.

Лидеры роста многодетности: Дальний Восток, Северо-Запад и Центр

Ни в 2018 г., ни в предшествующие годы экономическое неблагополучие не влияло решающим образом на рост КСРЗ+ (в отличие от абсолютного уровня этого показателя). В *табл. 1* приведены регионы, в которых процентный рост КСРЗ+ в 2018 г. к 2017 г., а также средний годовой процентный рост КСРЗ+ за последние 5 лет превышал границу третьего квартиля. Легко заметить, что среди лидеров роста за 5 лет есть ряд регионов, в которых показатели социально-экономического благополучия населения заметно выше общестрановых: Москва, Санкт-Петербург и Ханты-Мансийский автономный округ.

Вместе с тем разные географические зоны страны представлены среди лидеров роста неравномерно. Наиболее заметно среди лидеров (за 5 лет)

Таблица 1

Регионы с ростом КСРЗ+ выше третьего квартиля за 2018 г. и за 2014–2018 гг.

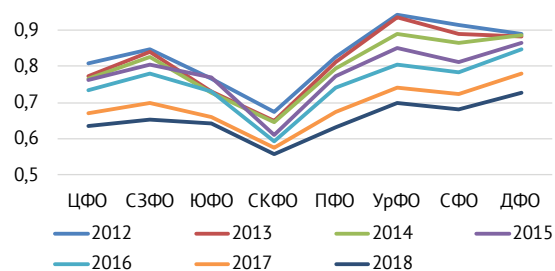
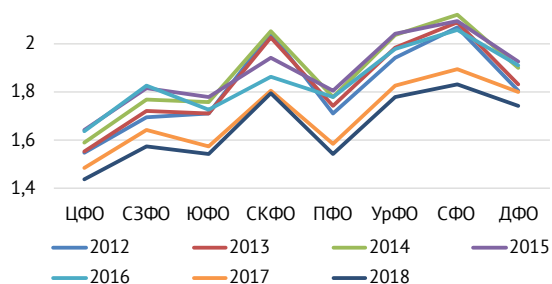
Изменение КСРЗ+ в 2018 г. к 2017 г., %		Среднее годовое изменение КСРЗ+ за 2014–2018 гг., %	
Еврейская АО	21,37	Магаданская область	25,91
Калмыкия	14,53	Сахалинская область	11,19
РСО-Алания	12,26	Ненецкий АО	10,89
Республика Алтай	10,06	Еврейская АО	9,09
Омская область	8,68	Ханты-Мансийский АО	8,66
Чукотский АО	8,48	Владимирская область	7,96
Кабардино-Балкария	7,99	Чукотский АО	6,53
Самарская область	7,66	Ленинградская область	6,21
Ямало-Ненецкий АО	7,60	Калужская область	6,13
Мордовия	7,53	Санкт-Петербург	6,07
Калужская область	7,46	Мурманская область	5,92
Саратовская область	7,40	Самарская область	5,89
Владимирская область	7,29	Московская область	5,80
Москва	7,22	Москва	5,560
Хабаровский край	7,08	Ямало-Ненецкий АО	5,52
Республика Крым	6,88	Тамбовская область	5,46
Ярославская область	6,44	Ульяновская область	5,45
Ульяновская область	6,28	Ярославская область	5,24
Ставропольский край	6,01	Хабаровский край	5,23
Бурятия	5,45	Тульская область	5,19
Удмуртия	5,38	Карелия	4,97

Источник: рассчитано по данным Росстата.

1 Обзор этих мер см.: Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Шульгин С. Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияния мер государственной поддержки// Социологические исследования 2017(3):43–50.

представлены регионы Дальневосточного, Северо-Западного и Центрального федеральных округов.

Факторы, влияющие на распределение регионов по текущим темпам роста многодетности, требуют отдельного изучения. Исходя из данных о демографическом развитии других стран с общим уровнем рождаемости, близком нынешнему российскому, трудно ожидать, что ситуация, когда по регионам преобладает рост рождаемости третьих и последующих детей при сокращении рождаемости первых и вторых детей, будет стабильной.

*Здесь и далее Республика Крым и г. Севастополь с 2015 г. включены в расчеты по Южному Федеральному округу. Бурятия и Забайкальский край в расчетах отнесены к Сибирскому Федеральному округу (в ноябре 2018 г. они были переведены в состав Дальневосточного ФО).

Рис. 2. Среднерегиональные значения коэффициента суммарной рождаемости по федеральным округам РФ по первым детям, 2012–2018 гг.

Рис. 1. Среднерегиональные значения коэффициента суммарной рождаемости по федеральным округам РФ, 2012–2018 гг.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

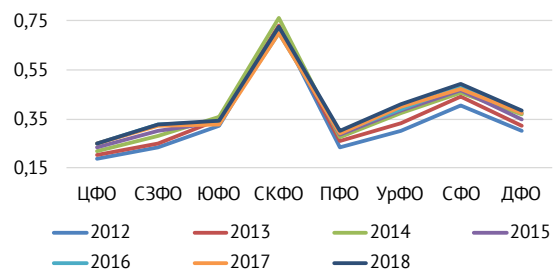
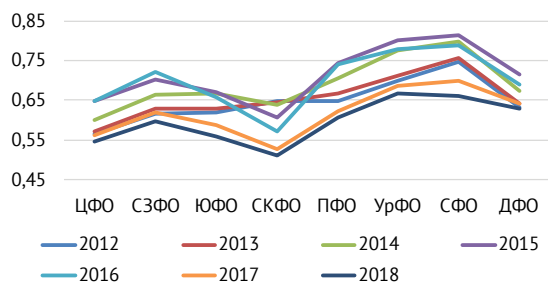

Рис. 3. Среднерегиональные значения коэффициента суммарной рождаемости по федеральным округам РФ по вторым детям, 2012–2018 гг.

Рис. 4. Среднерегиональные значения коэффициента суммарной рождаемости по федеральным округам РФ по третьим и последующим детям, 2012–2018 гг.

Анализ данных по рождаемости в странах Западной, Центральной и Восточной Европы в 1960–2010 гг., содержащихся в Human Fertility Database, показывает, что ни в одной из этих стран рост рождаемости третьих и последующих детей при сокращении рождаемости первых и вторых не длился более 5 лет. Однако автоматически переносить эту закономерность на Россию оснований нет. ▀

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Сергей БЕЛЁВ, заведующий лабораторией бюджетной политики Института Гайдара, старший научный сотрудник лаборатории исследований бюджетной политики ИПЭИ РАНХиГС

Алексей ВЕДЕВ, ведущий научный сотрудник лаборатории финансовых исследований Института Гайдара, заведующий лабораторией структурных исследований ИПЭИ РАНХиГС

Александр ДЕРЮГИН, научный сотрудник лаборатории бюджетной политики Института Гайдара, старший научный сотрудник лаборатории исследований бюджетной политики ИПЭИ РАНХиГС

Константин КАЗЕНИН, старший научный сотрудник научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института Гайдара, директор Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ РАНХиГС

Татьяна ТИЩЕНКО, старший научный сотрудник лаборатории исследований бюджетной политики ИПЭИ РАНХиГС